

Государственная политика в сфере сохранения, защиты и развития русского языка: состояние, проблемы и пути решения

Федеральный закон «О государственном языке РФ» принят уже более 18 лет назад, в 2005 году, в него уже несколько раз вносились изменения, но ни для кого не секрет, что Закон по-прежнему еще не начал работать.

Цели, которые преследовались при принятии Закона, по всем направлениям так и не достигнуты. Одной из целей было защитить русский язык от огромной волны иностранных слов в публичном пространстве и от нецензурной брани, другой целью – внести ясность относительно того, что представляют собой те нормы языка, которые мы обязаны соблюдать используя язык как государственный.

Закон в самой своей первой редакции уже содержал формальный **запрет на использование иностранных слов, у которых есть аналоги** в русском языке. Однако эти требования из-за несовершенства закона просто не могли быть реализованы. Только 2023 году было выполнено поручение Президента РФ от 1 марта 2020 года, которое было дано по результатам заседания президентского Совета по русскому языку в 2019 году. На заседании Совета я выступал с основным докладом по этому вопросу и предложил внести эти изменения в Закон. В Законе 2023 года появилась норма о том, что должен быть словарь иностранных слов, использование которых не будет нарушением требований закона. Только тогда и гражданам и правоприменителю будет ясно, какие иностранные слова можно использовать, а какие нет. Сейчас вместе с коллегами из МГУ (под руководством Татьяны Владимировны Кортавы) и Института лингвистических исследований РАН при поддержке Совета при Президенте по русскому языку и при поддержке Минпросвещения мы завершаем работу над составлением такого словаря. Сейчас завершается выработка лингвистико-юридической концепции словаря и правила его подготовки, в том числе состав словника, правила описание значений слов, характеристики наличия аналогов (полных и неполных синонимов), ограничений по сферам употребления из числа указанных как сферы обязательного использования государственного языка Российской Федерации. После выработки и согласования концепции будет подготовлен перечень слов, потому их описание. Это задача новая в том числе и для лингвистов – сегодня у нас практически нет ни словарей, которые предписывали бы нормы языка (т.е. нормативных словарей), ни полноценных словарей той иностранной лексики, которая в таких огромных количествах сегодня присутствует вокруг нас. И когда мы сделаем словарь с участием самых авторитетных лингвистических школ, мы передадим его вместе с проектом нормативного акта об утверждении в Правительственную комиссию по русскому языку, а оттуда – на утверждение Правительства.

Другой целью, которая ставилась в 2005 при принятии Закона, было повышение в нашем обществе культуры речевого общения хотя бы в тех случаях, когда речь идет об использовании языка как государственного – **запретить нецензурную брань**, которая сейчас уже слышна едва ли не везде и всюду. В отношении того, что считать нецензурной бранью, была такая же неопределенность, как и с иностранными словами. Огромными усилиями мы наконец пришли с коллегами из МГУ (где этой работой руководила Татьяна Владимировна Кортава), и академических институтов РАН к согласию относительно списка корней тех слов, которые относятся к нецензурной брани. Нами подготовлен проект нормативного акта для направления в Совет по русскому языку при Президенте и в Правительственную комиссию по русскому языку. Только с утверждением такого списка на официальном уровне будет четко определено, какие корни не могут использоваться для

образования слов и слова не могут употребляться как нецензурные (в народе еще говорят «непарламентские») в текстах, употребляемых в сферах обязательного использования государственного языка Российской Федерации.

Пока не было ясности в этом вопросе, каждый конкретный случай, каждое слово приходилось оценивать специалистам – является ли оно бранным, нецензурным, оскорбительным, нарушаются ли требования закона при его употреблении. И такая оценка не всегда производилась единообразно. Это касалось и привлечения к ответственности за хулиганство, и к взысканиям, налагаемых на заключенных и подследственных, которые находятся в СИЗО и для которых правила распорядка этих учреждений устанавливают запрет на использование нецензурной брани.

Но главная цель принятия закона 2005 года о государственном языке – создать **условия для общего взаимопонимания** в нашей стране, условия понятности языка хотя бы в тех сферах, в которых использование государственного языка обязательно. А для этого нужно создать определенность, что для нас сегодня норма русского литературного языка. В том числе для экзаменов, которые сдают по языку (и не только мигранты, которых принимают в гражданство России, но и каждый выпускник школы – ЕГЭ по русскому языку, олимпиады по языкознанию и проч.), для проверки официальных документов, которые должны быть понятны гражданам и проч.

Должен сказать, что комплексные исследования, проводимые в СПбГУ с участием психологов, социологов, лингвистов, показывают очень плачевную картину с ясностью, понятностью и доступностью текстов юридических документов, в том числе законодательных. Мы проводили исследования, которые показали, что для чтения большинства законов нужно иметь как минимум ДВА условия: ученую степень и несколько лет опыта чтения таких документов. В нашей огромной стране наберется едва ли несколько десятков тысяч таких людей, т.е. около 0,05% от населения! Эта проблема стоит настолько остро, что уже появились и разные общественные движения, борющиеся за простой и понятный юридический язык, и ваши коллеги из Государственной Думы издали методические рекомендации к подготовке законодательных текстов с требованием, чтобы они были понятнее.

Мы уверены, что главный способ добиться улучшения взаимопонимания – это подготовить и нормативно закрепить **нормальный качественный толковый словарь современного русского литературного языка**, который будет «золотым стандартом» языковых норм для целей государственного языка. Конечно же, надо утвердить словарь, в котором будут зафиксированы и нормы правописания и нормы орфоэпические, то есть ударений. По поручению Минпросвещения мы уже начали работу над таким словарем, и многое уже сделано. На Совете по русскому языку при Президенте я предлагал издать такие постановления. По исполнению упомянутого ранее поручения Президента от 1 марта 2020 года учеными СПбГУ при поддержке ученых МГУ разработаны два проекта постановления Правительства. После продолжительного обсуждения они, наконец были поддержаны Правительственной комиссией по русскому языку, и в конце июня нынешнего года приняты Правительством. Это постановления о требованиях к нормативным словарям и порядке их экспертизы для утверждения их как словарей государственного языка. Учеными-экспертами СПбГУ, МГУ (мы очень признательны Татьяне Владимировне Кортаве) и РАН готовится концепция и правила составления такого словаря. В частности, в нем должна быть новая система помет, поскольку цели и задачи этого словаря – обеспечить реализацию требований закона о государственном языке, а это новые задачи.

Однако именно такой словарь наиболее востребован на практике: в тех многочисленных решениях, где суды ссылаются на словари, они ссылаются именно на различные толковые словари. Единообразное понимание тех слов, которые используются в разных нормативных актах, в других официальных документах, в делопроизводстве – это обязательное условие для того, чтобы документы государственного языка стали понятнее и, что не менее важно с правовой точки зрения, определённое. Наши исследования показывают, что практически в любом нормативном правовом акте есть такие неопределённые положения, из-за которых такое положение суд может признать недействующим!

По нашему предложению в поправки 2023 года были включено положение об обязательной лингвистической экспертизе проектов нормативных актов. Правда, вступит в силу оно только в 2025 году. Но если у нас не будет общего словаря государственного языка, любая экспертиза будет вносить только ещё больше неопределённости. Когда у каждого эксперта своя (по его оценке) норма русского языка, никакой чёткости с результатами обязательной экспертизы мы не добьемся.

Для того, чтобы этот и другие нормативные словари, например, словарь ударений, действительно «работали», в них должно найти отражение общее мнение – как профессиональное, так и мнение общества, и содействие в этом со стороны федерального парламента было бы неоценимым. У источников, которые сегодня входят в Список утверждённых словарей (такой список утвердил Минобрнауки в 2009 году) эта проблема ярко выражена – правоприменители просто их игнорируют (в первую очередь потому, что недостаточен уровень нормативного акта – Приказ Министерства образования и науки), а решают споры обращаясь к иным источникам, которые более удобны для них по тем или иным причинам.

Разумеется, во многом сложности возникают на уровне правоприменительной практики, но есть ряд вопросов и к самому Закону, и для изменения ситуации нужна Ваша помощь. Например, **во всех сферах, в которых государственный язык подлежит обязательному использованию, требования к использованию государственного языка пока, к сожалению, одинаковые.** Это с одной стороны – язык рекламы, СМИ и публичный показ художественных и литературных произведений, а с другой – нормативные правовые акты, и официальное делопроизводство. Всем понятно, что в рекламе и в СМИ часто языковая игра, игра на грани того, что позволяют нормы языка, а в нормативных актах требуется строгость, определенность, чёткость и понятность. Если реклама будет непонятной – невелика беда, это скорее проблема рекламодателя, конечно, когда нет обмана или введения в заблуждение. А вот если нормативный акт будет непонятен – это уже проблема для всей правовой системы. Пора уже наконец разделить эти требования в законе. Это также позволит закрепить особые требования для отдельных сфер обязательного использования государственного языка. К примеру, указав на обязательность ясности и определённости языка нормативных актов. Для них соблюдение этого требования критично.

В связи с проблемой использования иностранных слов я бы хотел поставить такой вопрос, он представляется ключевым для данной проблемы: почему используются иностранные слова? Потому что наше собственное, **русское словообразование** отстает. Появляется новое техническое устройство – мы не можем придумать ничего, кроме странной аббревиатуры БПЛА («летающий беспилотник» - само слово «беспилотник» шире, оно включает и наземные самодвижущиеся аппараты) – и пожалуйста, все используют слово «коптер» или «дрон». Полагаю, что для решения этой глобальной задачи

нам совершенно необходимо создать терминологические органы – например, терминологические комиссии при профильных министерствах, которые будут спасать наш язык создавая слова на основе русских корней и по правилам русского словообразования. Причем статус этим органам должен быть законодательно придан такой, чтобы разработанные новые русские слова обязательно включались в комплексный словарь государственного языка и становились обязательной лексикой во всех сферах государственного языка.

Во Франции, к примеру, такой опыт есть и французы, как вы знаете, английское слово «компьютер» не используют, они придумали свое, французское слово. Опыт Франции интересен для нас, так как там также осознали необходимость спасения языка от засилья иностранных слов.

Говоря о положениях Закона о государственном языке, о языковой политике можно задаться и ещё одним вопросом – а кто наш государственный язык должен знать? Мы привыкли считать, что все знают русский язык: его изучают в рамках обязательного образования, натурализованные граждане сдают соответствующий экзамен. А на самом деле можно задуматься над **включением в законодательство обязанности для граждан** знать государственный язык. Подчеркиваю, «государственный язык»! Знать, какие правила обязательны для соблюдения при использовании языка как государственного. Российское законодательство отстает от других государств СНГ в части закрепления этой обязанности. Такая обязанность сегодня установлена в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Киргизии, Таджикистане.

Нам могут возразить: как можно добиться такого результата?!

В Китае при образовании КНР 30% населения были грамотными, а 20% владели путунхуа. Сегодня в Китае грамотны 90%, а общегосударственным стандартом языка владеют 70%. А у нас 99,7% населения грамотны, а общегосударственного языка у нас просто нет.

Если мы хотим сохранить взаимопонимание в сферах обязательного использования государственного языка, нам срочно надо принять перечисленные выше решения.

Ректор СПбГУ
член-корреспондент РАН
Н. М. Кропачев